

ПРОЕКТ СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Виктор Сергиенко

ЖИЗНЬ КАК ТЕНЬ ЛЕТЯЩЕЙ ПТИЦЫ

НАЩАДКАМ РОДУ
МАРЧЕНКІВ - СЕРГІЄНКІВ

Вирвались на свободу-
бережіть її.
Не ждіть, що хтось
збудує нашу Державу.
СЛАВА УКРАЇНІ !

Виктор Сергиенко
травень, 2005 р.

ПРОЕКТ «СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ»

Виктор СЕРГИЕНКО

ЖИЗНЬ как тень летящей птицы

Литературно-художественное издание

Виктор СЕРГИЕНКО

ЖИЗНЬ как тень летящей птицы

Литературная обработка:

*Александр СТАРИКОВ, Николай СЕРГИЕНКО,
Ирина ФИЛОН*

Оформление обложки:

Сергей СЕМЕНДЯЕВ

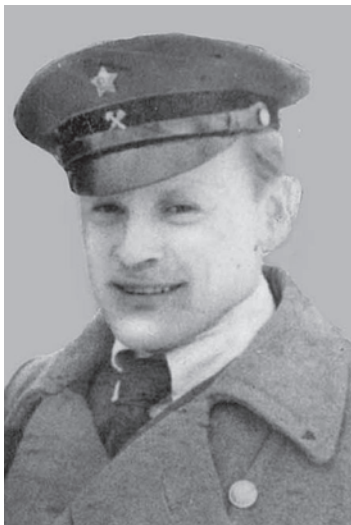
Техническое обеспечение:

Юлия ТИСЛЕНКО, Сергей СЕРГИЕНКО.

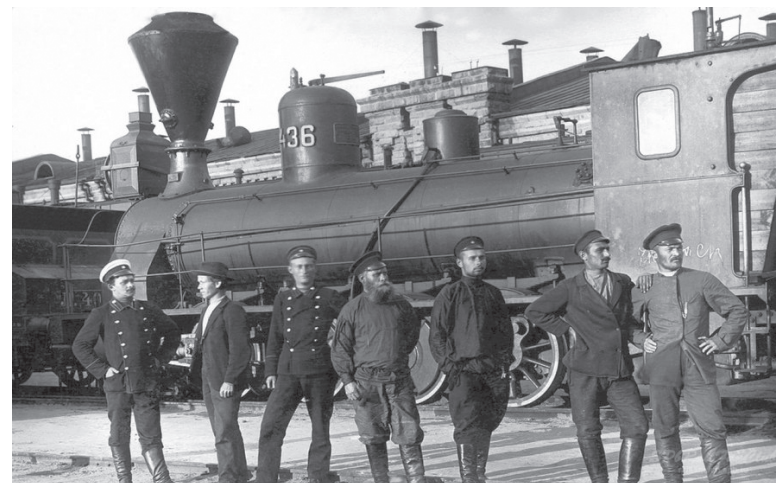
Фото из личных архивов семьи Сергиенко.

**Бердянск
2016**

**Бердянск
2016**

**Студент ДИИТа —
Виктор СЕРГИЕНКО,
1945-1951 гг.**

Гришино. В паровозном депо, начало XX века.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Helios». Печать — лазерная.
Усл. печ. л. 1,9. Тираж 300 экз. Заказ № 7.

Адрес редакции:
71100 г. Бердянск, Запорожская обл., ул. Шмидта, 4
Свидетельство о внесении в Государственный реестр
субъекта издательского дела ДК № 2961 от 5.09.2007 г.

**Бердянск
2016**

Две правды

*Несколько мыслей
по прочтению рукописи «дяди Вити» Сергиенко*

Правда и ложь, вы не так уж не схожи: вчерашняя правда становится ложью. А черная ложь превращается завтра в обычную правду, чистейшую правду. Так написал когда-то Давид Самойлов. Об этом пишет в своих воспоминаниях Виктор Сергиенко.

Наша жизнь — не столько мысли, сколько ощущения. Они быстрее «забирают» и не отпускают.

Теперь уверен: не мы попадаем в историю, она сама находит нас.

С первых дней пребывания в городе Бердянске, с 1982 г. автор этих строк постоянно сталкивался с осколками когда-то вдребезги разбитого зеркала под названием «Оккупация. 1941-1943 гг.». Которые нет-нет, да царапнут, или как гвоздь в башмаке, вылезут и испортят благостный советский пейзаж. Или, как шутил Остап Вишня, плюнут в украинский советский борщ...

Итак, мы о правде. Экспозиции в музее «Подвиг», «датские» публикации о партизанских отрядах, высадках и десанте 17 сентября, традиционный ритуал «Венки на воду!». Парады ветеранов. Воспоминания участников боев. Красочные номера газет к празднику 17 сентября... Это — общие места. О них знают все. Немного меньше — о «живом щите» из женщин и детей которых фашисты гнали по дождю и грязи от Бердянска до самого Мелитополя в сентябре 1943-го. Чтобы «наши» самолеты не бомбили доблестный Вермахт...

А теперь о второй части нашего «балета». О которой прочесть негде, да и незачем, как считали наши духовно-идеологические «отцы». Чтоб каплей дегтя не портить — то ли мед, то ли борщ.

О том, как жили тогда, под гнетом. Об этом — только устные предания, мифы. Как все слухи и домыслы — трансформированные в истории и предания. Почти легенды типа «Как рассказывала одна женщина...».

Например, о том, что уже в первые часы оккупации Бердянска на стол гестапо легли списки комсомольцев, членов ВКП(б).

Или вспоминал П.Мельников: «При бургомистре Желтоногове такого мусора по городу не было! К приезду начальства всех, кто был на рынке, взяли под конвой и заставили посыпать дорогу от центра до третьего пляжа черепашкой...».

На работу в Германию ехали с удовольствием. А тех, кто не хотел, спасали врачи-герои. Не боялись! Теперь знаем: боялись, но деньги любили больше. Даже ставки «благодарности» теперь знаем. Читай «Энциклопедию Бердянска».

Деталь: списки наших остарбайтеров до сих пор хранятся в архивах разных городов объединенной Германии. Никакие бомбежки их не заделали. И все, кто обращался — получил ответы (сам помогал переводить), а затем по пять-шесть тысяч марок пособия от правительства ФРГ. По крайней мере, истерик и жалоб по поводу невыплаты не припомню. Порядок!

«Театр, рестораны, школы, клубы, кинотеатры, церкви — все работало». Потому и заработали с новой силой уже в сентябре 1943-го, когда освободили Бердянск...

Анекдот, который, как слово, из песни не выбросишь. В нем тоже капелька той, второй, негласной правды.

Он пришел вместе с указом о «Детях войны».

Дескать, все Ивановы 1941-1945 годов рождения — это дети от немцев. А Николаи — от румын... В одном рассказе прочел, что Николка-чудик появился на свет благодаря куску мыла: молодой девчонке, будущей матери, захотелось помыться с мылом. Вот и пошла к румынам...

Говорю так, потому что знаю судьбы нескольких женщин, которые вместе с «ваньками» и «кольками» несли через нищету и унижения до самой смерти каинову печать тех лет. «Никто не забыт и ничто не забыто» — это и о них, без вины виноватых матерях-одиночках, раненных войной в самое сердце.

А еще ребята 1927-1928 года рождения — они тоже попали под раздачу, в самое пекло. Выжили единицы. Да и те — прошли через «фильтрацию», и до конца жизни — «находился на оккупированной территории». Например, «Сей Сеич», как мы в редакции называли Сергея Сергеевича Никишина. У меня есть рассказ о нем. Как все нормальные люди, он никогда не хвалился прошлым. А прорвало его в день рождения, когда я единственный поздравил его с днем рождения...

Сегодня двери архивов чуть-чуть приоткрылись.

И всем явлениям нашего времени и эпохи Реконструкции, как шутили Ильф и Петров о нашей буче, боевой-кипучей, предстоит серьезная проверка — уже новым временем, а не идеологами ЦК.

Задача этих заметок: как из пазлов (и рукопись Виктора Николаевича Сергиенко — в помощь!) собрать хоть какое-то подобие картины живой природы. Или хотя бы — отблеск бледный...

И продолжить вечный спор между правдой и ложью на территории нашей души. Которые без нашего ведома и согласия живут ощущениями от прикосновений к коже, книгам, воспоминаниям того времени.

Вот только несколько фрагментов той самой, второй правды: «У нас был альбом о строительстве Днепрогэса с фотографиями и фамилиями передовиков, — пишет Виктор Сергиенко. — Мы довычеркивали «врагов народа» в этой книге до того, что папа вынужден был бросить книжку в печку и сжечь... Иногда родители говорили между собой — кого из знакомых арестовали... Все это делалось ночью: подъезжает «черный ворон» и головорезы НКВД идут за жертвой. Если кого-то не оказывалось дома, брали соседа — план по заготовке врагов народа должен быть выполнен, а признание обеспечат костоправы... Со слов взрослых мы знали все».

Вот откуда природа поголовного страха! Это же не нормально, когда все значимые исторические события советского времени (начиная с «перековки» 1930-х с героическим Беломорканалом до «шарашек» 1950-х, советской Силиконовой долины лучших ученых умов) проходили при непосредственном участии и контроле НКВД, МГБ и КГБ... И сегодня, по устаревшему недоброй памяти шаблону, многие современники уповают на вмешательство СБУ в экономику, идеологию, причитая при этом «Сталина на них нет!». Мы все до сих пор несвободны в нашем сознании от призраков рыцарей и плаща, и кинжала...

И еще цитата: «Под Мелитополем, при форсировании реки Молочной погибли четверо сыновей дяди Антона — Иван, Лаврентий, Афанасий, Павло и внук Иван. Все они в сентябре 1943-го были мобилизованы. В бой их погнали без оружия, говорили: в бою добудете. Мстили за то, что были в оккупации...». Это о тех самых, ни в одной сводке не учтенных никем «черносвитниках» — как и не было...

Эти заметки в начале писались на полях книги «Запорізький рахунок великій війні 1939-1945» (Запорожье, 20013). Заинтересовали упоминания о Бердянске, но, думаю, когда-то выйдет правдивая книга о Гришино-Красноармейске.

Итак, сам текст. В основном то, что касается Бердянска.

«В публикациях к 70-летию начала войны, в частности, упоминается «подвиг» разведбатальона первой моторизованной дивизии СС, который 6 октября 1941г. захватил под Осипенко штаб 9 армии, на следующий день сам город, еще через день, вошел в Мариуполь. Немецкое командование последнему донесению сразу не поверило. Ведь батальон и переполненный войсками город — несравнимые величины.) — с.116.

То есть как таковой обороны города 9-й армией не было.

Количество жертв на территории Бердянска и Бердянского района, согласно «Книги скорботи України» — 2 тыс. 475 чел. (212 мужчин, 117 и 526 – женщины и дети, 1 тыс. 618 — не установлены фамилии). — с. 148.

Виктор Сергиенко пишет: «...мы арендовали шесть гектаров земли в колхозе, который немцы не распустили, поняли, что так легче управлять и отбирать. Плюс поощряли круговую слежку друг за другом». По этому поводу исследователи пишут, что на практике в зоне оккупации на территории всей Украины нацисты использовали принцип объединения, а иногда и наложения двух правовых систем — советской и немецкой.

В первых объявлениях оккупационной немецкой администрации местному населению сообщали, что «после занятия страны немецкими войсками советский закон продолжает свое существование, за исключением отдельных случаев, где применятся другой (немецкий) закон или даются особые распоряжения» — с.149.

И вывод. Оккупационные власти использовали советский опыт, создали систему социального обеспечения, которая охватывала, в основном, ту часть населения региона, которая работала на подконтрольных новой власти предприятиях и учреждениях, а также членов их семей. Восстановлена система медучреждений, чтобы обеспечить людей необходимой помощью. Оккупационная власть берегла рабочую силу и боялась инфекционных заболеваний, поэтому поддерживала местную медицину. Из этих же соображений население минимально обеспечивалось продовольствием. Так, в 1941-1943 г. удалось избежать массового голода — с.199.

Вдобавок наша извечная способность к «договорнякам». О чем Виктор Сергиенко свидетельствует: «Не голодали. Аренду платили мизерную — имелась возможность договориться с уполномоченными при помощи могоарыча. Спасибо партии (ВКПб) — научила обманывать».

Момент из фильма «Ликвидация», на который, возможно, никто не обратил внимания. Гоцман возражает Жукову: дескать, людей власти дают — наши ничем не лучше немцев. На что Жуков: ты меня с фашистами сравниваешь? Арестовать!

И здесь же — о послевоенных настроениях: «Для нас одинаково: грабили те, эксплуатируют эти. Нельзя опоздать на минуту — засудят. Мы страдали при немцах, и сейчас не лучше» — с.353.

«Театральные коллективы возобновили свою деятельность не только в Запорожье. Так, в Мелитополе действовал Народный театр им. Шевченко, с успехом работал городской театр в Бердянске» — с.213.

А теперь об активности и преданности населения идеологии и заветам Ленина-Сталина. Активисты во время войны не были многочисленными, как утверждала советская пропаганда в виде мифа «морально-политическом единстве народа». По оценкам историка В.Гриневича, сознательные сталинисты составляли не более 10% населения УССР накануне 1941 г. С началом войны эта опора

советской власти значительно сократилась... Узкая база сталинского режима трансформировала Запорожье на регион неблагоприятный для просоветского подполья — с .257.

Это в книге. А вот еще штрих — от Виктора Сергиенко:

«Служить в полицию как-то быстро потянулись бывшие комсомольцы и колхозные активисты. Уж очень им хотелось пригодиться новой власти, а опыт издевательств над людьми у них уже был... никто из них не верил, что советская власть вернется».

Наиболее отвечала настроениям наших земляков стихийная неполитическая борьба с давлением гитлеровского тоталитаризма. Защита собственной жизни и своей семьи приобрела действительно массовый характер. Это действительно приближало завершение кровопролития великой войны.

Болгары, 2 тыс. 500 чел., которые в начале сентября 1943 г. выехали из Таврии на прародину по согласованию с МИДом и царем Борисом в начале марта 1945 г. были высланы назад в СССР и как спецпереселенцы привезены в Таджикистан... Репрессивные методы применялись, фактически, ко всем группам и категориям населения Запорожской области, что никак не улучшало атмосферу в обществе. Насаждалась подозрительность, постоянный поиск «внутренних врагов»... Демократизации общественной жизни, на которую надеялось население, не получилось, хотя факт изгнания нацистов рассматривался как положительный — с.352.

Нацистскую и большевистские системы надо сравнивать не только для того, чтобы понять их суть, но и для того, чтобы понять наше время и самих себя. Нацисты строили рай для немцев, а большевики — рай для трудящихся всего мира. Для очень многих в этом «рае» не было места и их безжалостно уничтожали.

Советская нормативная система, экономические отношения, соцобеспечение, система питания и продовольственного обеспечения, охрана здоровья, образования в изуродованном виде продолжали существовать при оккупационном режиме. А религиозная жизнь в условиях оккупации переживала возрождение.

Уже летом 1941 г. в народном сознании на первый план выходит образ войны как великого горя, которое вызывает стремление к самосохранению, а не к борьбе и подвигам во имя защиты сталинского режима.

Женские судьбы во время войны... Оставленные без мужской поддержки во время войны, они несли крест не меньше, а значительно тяжелее, чем солдатский, — ответственность за весь род, не только за себя. Их молчаливый героизм, высшей наградой которого были сбереженные жизни родных и близких явно недооценен...

У Виктора Сергиенко о женской доле почти не упоминается, но в подтексте постоянно ощущается присутствие бабушки, мамы, а в последней части супруги Людмилы...

Книжечка получилась наполненной не только семейными подробностями, но и признаками Того Времени.

В частности — нашу мовою солов'їною...

И последнее: красной строкой в рукописи проходит еще одна тема — Труда. И уверенность в том, что человека труда можно убить, но сломить — невозможно. Даже таким мощным оружием, как сталинская идеология с контролерами из НКВД.

Желание жить и трудиться ради своей семьи, будущего своих детей — неистребимо.

Рабочего человека никто не сможет обидеть — он знает свою цену. Поэтому, наверное, предки говорили: кто умеет работать — хороший человек!

Хроника жизни нескольких поколений рода «Марченків-Сергієнків» — яркое тому подтверждение.

Александр СТАРИКОВ,
журналист,
г. Бердянск, февраль, 2016.

Виктор СЕРГИЕНКО

ЖИЗНЬ как тень летящей птицы

Посвята автора.

*«Нащадкам роду Марченків-Сергієнків
цей невеличкий труд спогадів про наш родовід.*

Вирвалися на свободу, бережіть її!

Не ждіть, що хтось збудує нашу Державу.

Цей шанс випав на ваше покоління.

Ваші батьки були б раді- вони теж були такої думки.

Слава Україні!». Травень, 2005 р.

Прожитое и пережитое. Хроника

Каждое растение имеет корни, за счет которых оно получает живительные соки и существует. Корни каждого человека – это история его дедов и прадедов, память земли, картинки детства, люди с которыми рос, первые испытания и первые победы. Человек с родословной всегда сохраняет зоркость взгляда и зрелость мысли. Что досталось мне в наследство? Четкое представление о том, кто были мои предки, чем они гордились в своей жизни, чего стыдились, что передали в будущее через нас, своих потомков.

Я пишу эти воспоминания, прежде всего потому, что глубоко убежден – эта нить не должна прерваться. Время быстротечно, современность богата яркими картинками и стремительной суетой, не располагающей к спокойному разговору старших и младших. Наши внуки будут помнить свой мир, свои заботы. А пустоту между прошлым и будущим уже некому будет заполнить.

И еще одно соображение призывает меня взяться за свои воспоминания.

Моя малая родина – украинская Донетчина. Села и поселки, железнодорожные станции и хутора, пустырь за « путями», ставки и глубокие балки. Все это живо и сейчас, но утеряны живые краски, забылись традиции, поменялись люди.

Марионетки у власти десятилетиями «отменяли» прошлое, считали его отжившим и ненужным. Все, что попадало под руку, переименовывалось во славу новой идеологии. Юзовка стала Сталино, потом Донецком, Бахмутский уезд стал Артемовским районом, станция Гришино в 1934г.стала городом Постышево(до 1938г.), потом переименовали в Красноармейское, а с 1964г.—город Красноармейск областного подчинения.

В своих воспоминаниях я буду называть города, районы, области незнакомыми читателю именами. Человеческая энергия, предприимчивость, труд и многолетнее созидание стоят за названиями хуторов, рудников и разъездов. Уверен: спадет шелуха истертой совдеповской идеологии и останется свободный человек на своей земле.

В наших краях всегда ценили мастерство, высокую квалификацию труда, способность быстро реагировать на непредсказуемые испытания, умение выстоять в любые бури, сохранив здравый смысл и чувство юмора. Революция, гражданская война, оккупанты, собственные начальники и партийцы, все это прошлось катком не только по трем поколениям нашей семьи, но и по всему народу. Приходилось много раз начинать жизнь на пепелище, с чистого листа, оставляя за спиной беды, обиды и печали. Приходилось, как всем, хоронить близких, ждать родных с фронта или сталинского лагеря. Это мы, те самые школяры с оккупированных территорий, с навечно заплямованной анкетой. Это наши дядья и братья - «чорносвитники», мобилизованные, а вернее, брошенные безоружными в мясорубку войны на доты и укрепрайоны фашистов сразу же

после освобождения, осенью 1943-го, на форсирование реки Молочной, а затем линий обороны Днепра...

Знаки той беды, когда из тысячи после первого же боя в живых оставались десятки, реже сотни мальчишек из оккупированных районов, уже не расшифровываются новыми поколениями, нуждаются в подробных комментариях. Только поименные, подробные воспоминания об утерянных людях, утерянных звеньях рода помогут нам преодолеть топтание на месте, растерянность, и беспомощность. Поэтому ценно даже маленькое воспоминание об ушедших: живой родительский разговор, строчка спетой дедом песни, шутка отца, испеченный бабушкой пирожок, посаженное отцом дерево.

Так живет в поколениях наследников самое ценное человеческое качество — достойное отношение к памяти павших и почитание живущих. Слова какие-то старомодные, непопулярные. А ведь они из Книги Книг — «Чти отца своего»...

Перед вами фотографии нашей семьи. Наверное, у многих есть такие свидетельства из домашнего архива. Мы смотрим на выражения лиц, фигуры, одежду. А вспоминаем голоса, запахи, плеск воды, родной домашний говорок, радость и боль. Что — то нам рассказали деды и бабушки, о чем — то мы помним сами, о чем — то догадываемся, что — то просто стало частью нашей взрослой биографии.

Время течет мучительно быстро и уносит, может быть, самое дорогое. То, чего не будет в решениях политиков, не попадет в труды историков, редко можно будет найти в книгах писателей. А ведь это и есть «соль земли», пусть простой, но бесценный для каждого из нас миг человеческой жизни, между прошлым и будущим.

...С этими мыслями я мысленно иду на хутор Сергиенко, к дедушке и бабушке.

В балке шумит вода, зеленеет посадка, цокочут цикады и щебечут птицы.

Впереди у меня целая жизнь, а пока — бесконечное лето моего беспечного детства.

Корни жизни

Мой дедушка Яков Маркович Сергиенко, папин отец, родился в 1865 году в селе Польшаевка. По рассказам дедушки, предки его, переселенцы из Воронежской губернии, были крепостными крестьянами помещика Вынца, немца по происхождению. В пореформенное время дедушкин отец, мой прадед, работал винокуром, гнал водку — «монопольку». Называлась она так, оттого, что торговля спиртным была монополией государства.

Прадед Марко, хоть и застал крепостное право, но перед властями не прогибался, никого не боялся, умел постоять за себя и за семью. И что особенно важно — с ним считались. С чьей-то легкой руки весь род наш так и называли — Марченки (то есть от Марка).

Со слов деда помню такую историю. За какую-то провинность жену Марка посадили в «холодную». Он в ярости прибежал туда, схватил за ручку двери и сорвал ее с петель. Понятно, что помещику тут же доложили про «бунт». Цитируя деда, с удовольствием привожу ответ помещика: «Вгамуйся, я твою жінку відпущу, розберусь, а ти іди працею».

У Марка было два сына и четыре дочери. Яков, мой дед был самым младшим. Епифан, старший брат, был участником Крымской войны. Сестра Палажка, которую я помню, была замужем за Волковым. Жила она в большом семействе на хуторе, который так и назывался по- семейному — Волковым.

Бабушка Груша — Аграфена Ивановна Житкова — 1863 г. рождения, село Криворожье., Добропольского района Донецкой области. Бабушка происходила из семьи староверов, которые вынуждены были переселяться на новые земли из — за неприятия новых порядков — никонианства в царствование Петра Первого. Ее родители не были крепостными, что отражалось в уличном семейном прозвище — Казаки.

Отец бабушки, Иван Жидков, крепкий мужик, невысокого роста, с окладистой бородой, работал объездчиком у помещика. Властью не злоупотреблял, имел репутацию честного и справедливого человека. Горячим не был, но при случае, мог на ходу остановить лошадь за хвост. О людях судил здраво, принимал решения не сгоряча, знал, как не надо лезть на рожон.

Бабушка вспоминала в связи с этим поучительную семейную историю.

Ее мама ткала полотно на заказ помещику. Сделав все, как положено, понесла сдавать работу. Управляющий развернул рулон, покрутил, скривился и вернул назад. Она пришла домой расстроенная поделилась с мужем горькой обидой. Тот выслушал ее и посоветовал: «Положи пока в сундук, пусть полежит, когда у него будет хорошее настроение, отнесешь». Прабабка последовала совету мужа, выждала некоторое время и снова понесла управляющему полотно. Развернула рулон, управляющий внимательно посмотрел и как говорит семейное предание, изрек: «Це друге діло, полотно гарне».

Бабушка работала у помещика по хозяйству, ей даже «довіряли» ключи от покоев. Сейчас мне не дает покоя одна мысль. Бабушка всю жизнь прожила в Украине, а мову так и не освоила. Лень? Пренебрежение? Или мы судим предков по своим сегодняшним законам?

Фамилия деда Сергиенко в селе была распространена, и потому, чтобы не путать их «по -уличному» называли Марченки. Дедушка рано начал работать и в тринадцать лет трудился наравне со взрослыми.

Помню один его рассказ. Как -то мимо покоса проезжал помещик и обратил внимание на подростка, который орудовал косой наравне со взрослыми. Он остановился и стал наблюдать, потом сказал: « Гляди, какой клоп, а как гарно косит. Это чей ?»

Косари сказали: « Це Марченків синок». Беседа завершилась вручением косарю карбованца, что на те времена было довольно солидной суммой.

Очень нравилось дедушке в те годы пасти ночью лошадей наравне с мужиками, в роли взрослого «хазяїна».

Когда мы слышим в любимом мультфильме « Як чумаки по сіль їздили, на Чумацький шлях поглядаючи», это кажется нам седой легендой, очень давней историей.

А я помню домашние рассказы моего деда, полные драматических, а порой забавных подробностей. Как везли в Мариуполь перец в обмен на соль. Как по дороге вооружившись «ціпами», обороняли своїх волов и повозки от лихих налетчиков из греческих поселений. Как в самом Мариуполе, на ярмарке чумаки расслабились и пошли слушать бродячего философа-оратора, который взобрался на воз и в духе Сократа предложил мужикам поразмыслить над философскими категориями. Чумаки побросали возы и собрались внимательно слушать. По рассказу деда дальше дело шло так. Оратор начал медленно говорить: «Слушайте истину: летом откуда ветер не повеет все тепло и тепло. Зимой откуда ветер не повеет все холодно и холодно». , и далее, в том же духе.

— А шо ж далі? - спросила озадаченная аудитория.

— На сегодня все. Вот такая истина.

Аудитория поняла, что это напрасная трата времени и стала потихоньку расходиться. Читатель видимо уже догадался, что когда хозяева подошли к своим возам, они недосчитались многого из товару и домашних припасов. Рассказывал дед, как насыпал в котел перца « для апетита» и долго прятался от поужинавших огненным кулешом. Ясно было, что качество чумацкого товара,обменянного на соль, не вызывает сомнений.

Эти забавные воспоминания деда складываются в устойчивое ощущение: большинство людей не сидело сиднем, не боялось нового, готово было рисковать, принимать решения и отвечать за них. Опять же, чумацкие поїздки— это возможность выбраться за пределы привычной жизни, увидеть, как по разному живут люди, взять что- то полезное для себя, не стыдиться учиться и познавать новое.

Достигнув призывного возраста, дед ушел служить в царскую армию. Служил в Польше на границе в таможне в городах Калыш и Лодзь. Поскольку дед был хороший лошадиник, всю службу он ,практически, провел в седле. Домой вернулся с хорошим знанием польского языка и с покалеченным на скачках мизинцем. Польские песни дед любил, пел их часто и с удовольствием . Помню один рядок «Ой пташко моя скурваночка, а де ж ти литаш. Повенч, повенч на менешко, а де ж ти сидаш».

Когда я в 1951 году женился, привез молодую жену Любу к деду в гости, он порадовал этой песней.

В армии дед выучился грамоте и вообще « расширил горизонты». Практическим выводом из этого стало решение: не возвращаться в родное село, а искать рукам и голове достойное занятие.

В это время строилась новая железная дорога Юзовка – Екатеринослав. На ее пути была расположена станция Гришино, обустроенная производственными службами и жильем.

(Справка. Решением Министерства путей сообщения России предусматривалось: купить у Гришинской сельской общины Бахмутского уезда Екатеринославской губернии участок земли для строительства железной дороги. Событие это произошло в 1875 г. Уже через шесть лет, в 1881 г. здесь появилось паровозное депо, которое стало одним из главных паровозоремонтных предприятий Екатеринбургской железной дороги. В 1883 г. завершено строительство вокзала и в мае 1884 г. через станцию Гришино пошли первые поезда.

Источник: «Красноармейск вчера, сегодня, завтра. Фотокнига», Киев, изд. «Спалах», 2000 г.).

Дедушка поступил в паровозное депо (сегодня это вагонное депо) котельщиком. На эту тяжелую работу шел не всякий – котлы часто приходилось клепать на ходу, то есть в горячем, рабочем состоянии, прямо в паровозе. Поэтому заработная плата была довольно высокой – 100 – 120 рублей золотом.

В то время в наших краях баран стоил 1 рубль, корова – 15 рублей. Эта странная для нас диспропорция объясняется промышленным подъемом, а в наших донбасских краях, так просто промышленным взрывом тех лет. Инженеры и квалифицированные рабочие были необходимы и высоко ценились.

(Справка. Даже в те благодатные годы, в нашем сегодняшнем представлении, правительство царской России принимало кардинальные меры для создания привлекательного образа профессии железнодорожника. Работа была тяжелой и опасной: трудиться приходилось днем и ночью, в любую погоду, в сверхурочные часы; с постоянными разъездами по 200-300 километровой дистанции пути. Отрасль отличали от остальных низкий уровень механизации, нормированный рабочий день в 10-11 часов зимой и по 12-14 — летом. Тяжелый физический труд не проходил бесследно: это и профессиональные заболевания, и простудные, проблемы со зрением, слухом, нервной системой. Вдобавок несчастные случаи на производстве, крушения поездов. Производственный травматизм в несколько раз превышал средний уровень промышленных предприятий. А сухая статистика свидетельствует: количество погибших и раненых на производстве с 1883 по 1913 г. составляла 185 тыс. человек.

Так что даже высокие доходы не покрывали всех рисков профессии. Среди льгот, предоставляемых железнодорожникам — служебные квартиры, страхование на случай увечья за счет средств МПС, бесплатное обучение детей в учебных заведениях МПС, разрешение использовать полосы отчуждения железной дороги под огороды.

Источник: «Краткий исторический очерк деятельности Министерства путей сообщения Российской империи», СПб, 1914 г.).

Дедушка получил служебную квартиру (комната с летней кухней), осмотрелся и стал мечтать о доме с участком земли (дедовы слова: «земля не згниет, не пропадет»). По моим наблюдениям, старые люди и сейчас рады, когда внуки

покупают землю: кровавое «лечение» от частной собственности и нашу, «марченковскую» натуру не изменило. А тогда за 25 лет работы дедушка собрал впечатляющую сумму – 10.000 рублей золотом. Затем, по совету адвоката, подал на железную дорогу в суд на выплату страховки за потерю здоровья (удалось доказать профессиональное заболевание всех паровозных котельщиков-ремонтников, — почти полная глухота) и дополнительно получил возмещение в сумме 5 000 золотом. После этого прожил на пенсии еще сорок лет.

Вспоминая дедушкины рассказы, услышанные в детстве, я часто думаю: здоровый взгляд на мир, нелюбовь к пропаганде начали у меня формироваться именно в ту пору. Уж очень отличались дедушкины безыскусные рассказы от агиток того и последующего времени.

А тогда все шло своим чередом. Семья увеличивалась и дедушка со временем купил 40 десятин земли с домом и необходимыми постройками за шесть километров от Гришино. На эту покупку, похоже, ушла львиная доля накопленных средств. Затем дед получил план под строительство дома для старшего сына(моего отца). Там была выстроена небольшая времянка, которая очень пригодилась нам в будущем, в эпоху раскулачивания. Но до этого тогда еще было очень далеко.

Дед обживал приобретенное хозяйство. Мама рассказывала, что на этом хуторе прятались его друзья — железнодорожники в гражданскую войну и, что особенно важно — отказа не было никому.

За время проживания на станции Гришино семья увеличилась на четыре человека. Николай (мой отец) родился в 1894 году. Сестра Анастасия — в 1898 году. Брат Афанасий — в 1900 году. Еще одна сестра — Александра — в 1901 году.

В семейных делах дедушка был крут, мог и власть употребить.

Мой отец закончил в Москве курсы шоферов и хотел там остаться. Но у дедушки были на него свои планы и он через полицию, этапом, то есть принудительно вернул сына под отчий кров. Дело было не в самодурстве, а в трезвом расчете. Летом большую семью кормила земля, а зимой квалифицированный труд мог предложить только сын Николай. Профессия шофера на тот момент была экзотической и, в отличие от Москвы в нашем уездном городе Бахмуте конкуренции не предполагала. Отец сразу же нашел работу : водителем у бахмутского подрядчика. В семейных планах вполне реалистически просматривалась покупка личного автомобиля. Зимой планировался промысел в виде новомодного такси, а лето и так было загружено до предела. Несмотря на то, что дом продали, все равно нужны были деньги на развитие хозяйства.

Большие усилия дед направлял на отвод земли под переселение с отдельных хуторов на один общий компактный хутор. Яков Маркович был самым грамотным в громаде, и потому на сходке была ему поручена эта работа. Дед ездил ходатайствовать в губернию и уезд, привозил землемеров, удалось отвести из резерва необходимый участок земли под застройку хутора. Мужики, в благодарность за большую работу предложили Якову Марковичу назвать хутор по фамильному, и тот был зарегистрирован как хутор Сергиенко. При новой власти, после революции, хутор поспешили переименовать, так как фамильной чести у пролетариев видимо не бывает. Взяли название соседнего населенного пункта Зверево и прилепили его на хутор Сергиенко, дедушкин хутор.

А тогда люди не ждали худого , получили план строительства, потянули жребий и вытянули свои места под участки 0,5 гектара. Дедушка как инициатор мог выбрать первым, два участка для себя и для сына.

Началось обустройство большого хутора Сергиенко с одной длинной улицей. Расположение было очень удачным. Участки находились меж двух глубоких балок. Балки питались от больших ставков, заполнялись тающими снегами и орошали поля. Люди стали осваивать землю, строиться и по возможности

переселяться. Экономили, строили из местных материалов. Стены возводили из саманных блоков (глина с конским навозом и соломой), кровля из камыша (на ставках его было более чем достаточно). Под одной крышей располагались жилая часть и конюшня. По большой вертикальной лестнице можно было взобраться на чердак (горище). Со временем достроили гараж (пидкат) для зимнего хранения инвентаря. При непе сдавали это строение в аренду потребсоюзу под магазин.. В жилой части были зал, спальня и кухня – столовая.

Вот здесь, на «своем» хуторе исполнилась мечта бабушки о большом яблуневом саде.

Вспоминаю весеннее цветение нашего сада и на глаза поневоле наворачиваются слезы...

У папы уже была своя семья и он жил отдельно.Наша мама Анастасия родилась в 1896 году в селе Пустынка, рядом с селом Новотроицкое. Мамин прадед Уваров, крепостной рязанского помещика, попал в наши края, будучи выменным на породистых охотничьих собак.

Впрочем, ко времени знакомства моих родителей, все это осталось в далеком прошлом. Отец мамы Степан Уваров был мастеровым, держал пасеку, арендовал у помещика землю для обработки. Мама рассказывала, что отцовская пасека была большая, колод (ульев)триста, имелись постоянные покупатели и мед увозили возами.

У мамы было две сестры и брат: Евдокия, Уляша, Антон. Младший Иван умер в 12 лет. Повзрослев все жили кучно, большими трудовыми семьями. У дяди Антона было шестеро детей, все работали день и ночь, но это не помешало после октябрьского переворота большевицким активистам занести их в кулацкие списки.

Семья не стала ждать беды , дети расплзлись по стройкам, отец семейства пошел в колхоз. На разборке коморы его привалило бревном и вскоре дядя Антон умер.

В те годы повальной коллективизации кто – то из зажиточных хозяев распродал все и уехал, кто – то отпирался до последнего и поехал эшелонам за Урал, в Сибирь. Любознательным рекомендую прочесть повесть Виктора Астафьева «Последний поклон».Там раскулаченные, брошенные на выживание на берега Енисея, отдавали детям самое дорогое, что было: картофельные очистки, причем, с остатками земли. Так детей спасали от цинги...

На месте остались, в основном, люди безземельные, безынициативные и лодыри. Именно тогда, в 20-30-е годы на свет появились СОЗы, ТОЗы (союзы, товарищества по обработке земли), Колхозы, Совхозы. Половину этих терминов сейчас приходится объяснять, а тогда эта чехарда экспериментов проходила по костям наших дедов, и никто ни у кого не спрашивал, готовы ли они быть бессловесными чурками для забавы новой власти.

Но все это будет потом ,а пока налаживалось хозяйство. Во дворе стоял сарай для овец, сарай для птицы на шесть отделений, комора для зерна, клуня в стороне возле сада, кухня, летняя кухня и погреб. В гараже стояли молотилка, веялка, сеялка, тачанка. Было в хозяйстве четыре коровы, 25 овец, птицы не сосчитать, так много.

При всем при этом бабушка был рабочий человек, осознавал себя частью рабочего класса. Как многие железнодорожники, был активным участником революции 1905 года, председателем совета. После 1917 года, впрочем, быстро разобрался, куда дует ветер перемен и больше на новые власти никаких надежд не возлагал. Вообще, когда начались революционные перемены, особенно когда запыхала гражданская война, пересидеть от нее было негде, разве на день в ставке в камышах. Именно там мой отец прятался от немецких патрулей в 1918 году.

Вообще отец был человек рисковый, и несколько раз чудом уходил от опасности. В том же 1918 году встретил на базаре знакомого и на вопрос о делах, сказал со злостью : «Скоро закончится эта вакханалия»! За доносчиками не

задержалось, отец не успел дойти до конца базара, как попал в расстрельную повозку. Повозка завернула в балку, отец спрыгнул в ближайшие кусты, потом неделю прятался в холодном паровозном котле, пока власть действительно не переменялась. Другое дело, что вакханалия не закончилась. В другой раз отец в присутствии немцев сказал неосторожные слова и даже был ими арестован, но опять - же чудом улизнул и спрятался в тех самых спасительных камышах.

«А на хаті серп і молот, а у хаті смерть та голод...»

При нэпе жизнь вроде бы вошла в привычные очертания. Отец сначала жил отдельно со своей семьей а потом, когда от деда отселился младший сын Афанасий, отец перевез семью к деду. Часто пишут про ссоры в больших семьях на селе. Я такого не помню и со слов родителей не вспоминалось.

Дед был суров, бабушка «через край» богомольна, но друг за друга держались и берегли. Работали дружно, но к 1930- му году все должно было пойти прахом. Дед успел кое – что распродать, но в основном все ушло в колхоз, кроме молотилки, веялки и другого мелкого инвентаря. Все это стояло брошенное во дворе, как напоминание о прошлом. Взрослым было больно, а мы, маленькие дети, воспринимали это покинутое железо как большие игрушки и с восторгом лазили по ним, все крутили и вертели. Еще горше было со скотиной. Лошади, которых свели в колхозное стадо, быстро начали болеть сапом, их сбрасывали в шахтный шурф. Прямая польза или вред делу уже никого не интересовали, никто не хотел высовываться и угодить под колесо.

Дедушка, по наивности души пытался сопротивляться. Активисты, с которыми дед когда – то работал в паровозном депо посоветовали: « Яков Маркович, сдавайся, молчи и моли бога, чтоб не выселили за Урал и не уничтожили как класс. А Николай, со своей семьей пусть срочно уезжает в город. Он парень горячий и может угодить, в лучшем случае в Сибирь».

И здесь свою положительную роль сыграл Донбасс, который к тому времени был крупным промышленным центром. Благодаря этому удалось спасти многие сотни, если не тысячи жизней. Спрос на рабочую силу был такой, что на работу в забой принимали людей даже со справкой «раскулаченный». Село, где проходило раскулачивание могло находиться рядом с рудником, главное, вовремя унести ноги. Таких случаев было много на севере Луганщины. Из -под Старобельска люди бежали на рудник в Стаханов, Первомайку, Карбонит, спасали семьи и свою живую душу.

Угол, где можно было приютиться у нас, к счастью был. Еще до революции дед купил для папы участок и построил там времянку из самана размером 6х5м. Там жила папина сестра Тетя Наца с сыном Шуриком .Теснились в 30 метрах две семьи (А нас у родителей было уже четверо). Но отец не привык сдаваться, он устроился на элеватор помощником механика и за добросовестный труд ему выделили двухкомнатную квартиру. Квартира примыкала к стене двухэтажной мельницы.

Рядом с нами был хозяйственный двор. Я любил наблюдать, как на козлах укладывали бревно и два человека, один сверху, другой внизу продольной пилой, движениями вверх – вниз распиливали его на доски. Там же при этом дворе был колбасный цех, а в бывшей мельнице продуктовый склад. Мы с братом Ваней приспособились незаметно через проемы иногда добывать колбасу и сыр и устраивать там же пиратские трапезы, чтоб не узнали родители. Помню у нас был совершенно сказочный кот, который приносил кольца колбасы и сознательно делился с хозяевами.

Вообще жизнь была полуголодной еще задолго до 33- го. Жили мы в основном с огородов, которые выделялись на производстве. Старший мой брат Шура работал в артели « Металлист», которая была рядом, на другой стороне

железной дороги, как у нас говорили « за путями». Участки были довольно близко от дома, к тому же папа обеспечил нас тележкой для перевозки урожая.

Хорошо помню голодовку 1933года и тайный стишок с того времени « Стоїть хата боком, кобила з одним оком, а на хаті серп і молот, а у хаті смерть і голод». Спасали пайки и возможность хоть немножко унести со службы. Отец приходил домой с работы, ставил ноги пошире и со всех тайных загашников высыпал зерно. Мама варила, молола на мясорубке, лепила котлеты и жарила на плите. Мы их называли «цвыбрыками».

Папа как-то рассказывал: грузил в вагоны зерно и с другой стороны забора подошел знакомый, попросил насыпать в мешочек зерна. Все кругом знали, что за хищение расстрел, знал и знакомый, но дома были полуживые дети, ничего не мог с собой поделатъ, стоял и плакал. У отца дрогнуло сердце. Взял тару, молча наполнил, молча передал, только молился, чтоб никто не заметил. Слава богу так и вышло, не узнала ни одна душа. Я об этом эпизоде узнал случайно, присутствуя при их встрече, уже в более человеческие времена.

Боялись все

Жизнь, однако, продолжалась, наша семья, окружающие нас люди старались найти свое место в этой сложной, запутанной действительности. Каждый, как мог, объяснял себе происходящие события и продумывал свою линию поведения.

Муж маминой сестры тети Дуни был офицером царской армии, но эта тайна открылась нам очень нескоро, уже во взрослой жизни. При этом, зятя тети Дуни были вполне по большевистски идейны, а сын Юхим проводил с нами политбеседы и проверял, какие мы газеты выписываем. Делал активную военную карьеру и погиб в 1937-м.

Другой мамин племянник, сын дяди Антона, спасаясь от раскулачивания, ушел из дому, служил в армии, за хорошую службу был отмечен наградами. Вернулся домой, через некоторое время и был арестован как враг народа, погиб. В 1958 году был признан невиновным, семье установлена пенсия. Вот так ,короткой скороговоркой, дескать, схватили, убили, слегка звинились, улетела жизнь многих парней и дівчат. Как тень от летящей птицы...

Весь 1937 год ежедневно по радио сообщали—кого и за что арестовали, обвинили и осудили, а часто и казнили. Когда приходили в школу, преподаватель просил открыть ученик и вычеркнуть очередного врага народа. У нас в доме был альбом по строительству Днепрогэса с картинками и фотографиями участников – руководителей страны, передовиков, а также их фамилиями.. Мы довычеркивались в этой книге до того, что папа вынужден был бросить альбом в печку и сжечь.

Иногда родители рассказывали друг – другу, кого из их знакомых арестовали. Все это, как и везде делалось ночью. Подъезжал «черный воронок» и энкаведисты шли за жертвой. Если человека не оказывалось дома, брали соседа. Потому, что была контрольная цифра и «производственный» план. А признание обеспечивали спе-циально натасканные костоломы. И за доносы, которых поступило около четырех миллионов (со слов Н.С.Хрущева на XX партсъезде) платили стукачам. Жуткое было время.

Когда я потом от уважаемых, известных людей слышал: мы ничего не знали, мне не очень верилось. Есть такая распостраненная версия: пострадало начальство, простых людей не трогали. Хочу сказать, что боялись все, и могли прийти за всеми.

Муж тети Уляши был пожилой питерец, профессиональный революционер, вполне идейный человек, горячий приверженец советской власти. Он преподавал в нашем профтехучилище слесарное дело. Часто он бывал у нас в гостях и тогда в доме разгорались нешуточные споры на злободневные темы. Друг – другу мужчины доверяли, слов не выбирали. Отец говорил о продуманных преступлениях Сталина и его прислужников против собственного народа. Яков

Петрович объяснял все мировой революцией и целью, которая оправдывает средства. Однако личная порядочность не позволила ему во имя высокой цели предать родных и донести о разговорах в нашем доме куда следует.

Под старость Яков Петрович полностью разочаровался в идеях большевиков. А мне сейчас думается, не уехал ли он к нам в Бахмутский уезд, на край географии, подальше от ленинградского НКВД?

НОВЫЙ ДОМ

Родителей не покидало желание иметь свой дом с участком. Долго собирались с силами. Наконец нашли дом с участком и молодым садом. Держали кур, купили корову. Забот прибавилось, но прибавилось и радости. Я уже тогда чувствовал, а с годами осмыслил, что если трудового человека сразу не убить, то позже его уже не задавишь никакими тяготами и лишениями....

Дом, который мы купили, был построен из деревянного каркаса, заполненный и обмазанный глиной, смешанной с соломой. В общем, демисезонного исполнения, пока топишь- тепло. Погреб был среди двора, со временем построили сарай, с погребом внизу, где мы прятались во время бомбежки. Дом состоял из четырех комнат, зал и кухня чуть побольше, спальни поменьше. Было тесно, но весело, в особенности детям.

Детство, юность

Вообще сталинский лозунг « Жить стало лучше, жить стало веселее!», большинством людей воспринимался вполне всерьез. По радио звучала веселая музыка, в клубе работали кружки технического творчества и художественной самодеятельности. Приезжали артисты, проводились концерты и спортивные соревнования. Я играл на мандолине, по цифровым нотам, которые сам же и придумал. Увлекался рисованием, лепкой из глины, вырезал из дерева шахматы, из подручных материалов сделал бильярд и шашки. Нарисовал портрет Т. Г. Шевченко. Его поместили на выставку лучших работ. Помню, проходя мимо, я долго им любовался.

В 1939 году в пионерском клубе обучился фотографии. Мне так хотелось иметь фотоаппарат, что я втайне от родителей отправил письмо К. Е. Ворошилову, чтобы он помог приобрести фотоаппарат, в конверт письма вложил свои рисунки. Мы считали, что наши вожди замечательные люди, и они должны помогать детям. Ответ пришел на школу, не помню, кто посодействовал, но «Фотокор-1» у меня появился. Вначале я с ним спал, клал его под подушку. Обзавелся всеми принадлежностями, очень много времени уделял фотоделу.

(Справка. Климент Ефремович Ворошилов (1881—1969), советский военачальник, партийный, государственный деятель, первый маршал СССР.

Один из создателей Первой конной армии под командованием С.М.Буденного. Награжден тремя орденами Красного Знамени. С ноября 1925 и 1940г.—нарком по военным и морским делам, сторонник сталинских репрессий и инициатор «чисток» в Красной армии.

В предвоенные годы- один из самых заслуженных, по сталинской табели о рангах, полководцев Гражданской войны, родоначальник Осавиахима—ДОСААФа. У молодежи 1930-х годов большой популярностью пользовались нормативы комплекса упражнений «Готов к труду и обороне» (ГТО), особым уважением - ребята и девушки, сдавшие нормативы на значок «Ворошиловский стрелок». Детям с пеленок прививали любовь к армии, к «красным маршалам», главным из которых был Клим Ворошилов, слесарь из Луганска, полководец Гражданской войны).

До войны игральные карты в продаже не было. Мне достали Ваня и Валя бумагу лицевую и тыльную, я рисовал, а Ваня занимался реализацией по 10 рублей за колоду. Вначале рисовал, а потом организовал штамповку. Деньги от продажи использовали в дело, приобретали фотоматериалы, краски, просто покупали

сладости. Мне даже купили фуражку. Ваня в основном занимался голубями, первым на всей улице научился голубиному свисту без пальцев во рту, постоянно с ребятами играл в футбол. Ему, как старшему, больше доставалось дел по хозяйству. Любовь к голубям, голубятне прошла у Ванечки(так его называли его сестра и мама),через всю жизнь.

Валя была старше нас, занята была учебой и кружками художественной самодеятельности. Она умела организовать, концерт, спортивный праздник буквально на пустом месте. Соберет бывало, когда жили на хуторе ,пять – десять ребят и на лужайке тренирует, разучивает с ними всякие физические упражнения.

Когда папа с мамой уходили в гости, для нас было полное раздолье. Валя брала власть в свои руки, из нас составляла группу, то ли зрителей, то ли участников концерта. Выпускалась домашняя стенгазета, под елку сочинялись стихи, под их торжественное чтение вручались подарки.

Шура был намного старше, у него были свои интересы, до 1938 года он работал, а потом ушел в армию. Служил он в войсках НКВД рядовым на польской границе, в городе Турку. Был он, что называется, положительным, очень ответственным парнем и, как я теперь понимаю, очень доверчивым. Надо сказать, мозги ему в армии забили так, что потом с ним невозможно было реально спорить о жизни.

«Вставай, страна...». Подробности

Война, как обычно пришла внезапно и страшно, хотя в кино и песнях велась пропаганда, что победоносная стремительная война неизбежна. И мы под руководством товарища Сталина и нашей родной партии будем воевать на чужой территории. Результатом этой пропаганды была полная уверенность, что это скоро закончится. И даже в страшном сне не представляли тот ошеломляющий ужас, в котором мы прожили оккупацию, все военные годы. Но это потом. Войну мы встретили в довольно сознательном возрасте. Валя закончила 10 классов, поступила в Харьковский университет, но ввели платное обучение и пришлось поступать в педучилище. В 1941-м Валя работала в селе Гришино, в восьми километрах от Красноармейска. Ваня закончил девять классов, я семь классов.

В первые дни войны призвали в армию дядю Афанасия, нашего Шуру и Павла, сына дяди Антона. Шура был очень дисциплинированным и послушным солдатом. Когда отступал, шел мимо дома, но домой не зашел, многие просто разбегались по пути следования, а он шел на восток, как было приказано.

Перед отступлением папу вызвали в военкомат, по возрасту он был невоеннообязанный и сообщили, что он остается в городе для подпольной работы. Проинструктировали, как себя вести и с кем нужно держать связь. Папа пытался действовать по инструкции, по приказу свыше разделили людей на группы, назначили старших, взяли подписку о неразглашении, но ничего из этого подполья не вышло. В оккупации все ушли в свою скорлупу, не подавали сигналов, каждый выживал, как мог. Когда вернулись наши, вызвали папу на беседу, он рассказал все, как есть, на этом все успокоилось и больше его не трогали. Так что папино «участие» в партизанском движении завершилось, сошло без последствий.

Когда наша армия отступила, наступили безвластие и хаос. Начался грабеж магазинов, складов, баз. Нас не пустили из дому родители и что происходило в городе сказать не могу. Не знаю, как выскочила из дому Валя, но помню, что она принесла с пол ведра разных пуговиц..

При отступлении сожгли элеватор и Заготзерно, где было много пшеницы. Пекарня уцелела , выпекала хлеб, помню в хлебе привкус горелого зерна. Часто мы потом поминали наших вождей, которые мало того, что оставили нас немцам, так еще и лишили куска хлеба. После отступления Красной Армии по городу бродили бесхозные лошади. Ваня не растерялся, подобрал кобылицу и жеребенка. Сел верхом и уехал на хутор. Дедушка был очень доволен. У

соседа ,казанского татарина, мы купили молодого жеребенка и долгое время питались кониной.

Наш город заняли без боя, зашли итальянцы, немцы обошли стороной. Осень, грязь непроходимая, лошади вязли по живот, повозки по оси. Ночью стучат и орут: « Апри! Апри!» Мы открыли. Поорали: « Партизаны?» , потрясли автоматами и ушли. Со временем появились немцы, начали наводить порядок, назначили бургомистра города, на улицах появились жандармы с бляхами на груди, автоматами наперевес, хождение ночью запретили, разрешалось ходить только предъявив пропуск (аусвайс). Бургомистром назначили Якубовича ,бывшего преподавателя школы. После он бежал в Канаду, где стал фермером, его племянник Игорь учился в нашей школе.

Когда начались круглосуточные бомбежки, мы всей семьей (кроме Вали) уехали на хутор. Дом охраняли наши дальние знакомые, Володя и Павло Мачкары, которые сами прятались от немцев. Они вырыли хорошую яму под корытом для коровы, наносили сена и ночью там прятались.

Семья наша на хуторе занималась хозяйством для выживания, примерно на уровне первобытного общества. Мололи кукурузу на самодельной крупорушке, варили мыло из сусликов. Позже арендовали шесть гектаров земли в колхозе, который немцы не распустили, потому что поняли, что так легче управлять и отбирать. Плюс поощряли круговую слежку друг за другом. На полях установили виселицы. Так что кражи с полей не приветствовались.

Урожая нам хватало, не голодали, аренду платили мизерную, имелась возможность договориться с уполномоченным при помощи магарыча. Спасибо партии «родной»– научила «петлять» и обманывать.

Мы с Ваней выкопали яму, через старого знакомого Володю Дубинца достали кролей и начали разводить, доведя их до пол -сотни. Так и жили в постоянном труде. Весной пахали и сажали, летом пололи, осенью убирали урожай, работы хватало для всей семьи. Как ни странно, по вечерам на улице собиралась молодежь. Пели песни, плясали, рассказывали анекдоты, играли во всякие игры. Языком общения был украинский. Вернулись щедривки и колядки, с которыми боролись наши идеологические службы и организации до войны. Так что вечерние розваги даже оживились. Впрочем, от немцев мало кто ждал добра или воспринимал их, как вызволителей. У кого и были такие иллюзии, жизнь их быстро рассеяла. В Германию на работы никто не рвался. Нас предупреждали, когда будет облава и в такие дни улица пустела. Мы прятались в сарае с сеном. Прodelали отверстие, пролезали в берлогу и сидели там без звука. Те, кому не повезло спрятаться , часто сбегали прямо с эшелона, добирались полуживые до дому и, как ни странно, их повторно не ловили. До следующей общей облавы.

Когда хуторские мужики пригласили дедушку на сходку, он не пошел сам и не велел нам. Не желал и серьезно опасался, что могли избрать старостой, а отказаться невозможно без последствий для себя и семьи. Помню он говорил: « Німці – люди тимчасові, а нам жити і далі зі своїми людьми.» Жизнь показала, что дедушка далеко глядел вперед. Старостой выбрали Щербинку, плохого он ничего не делал, но по приходу наших его арестовали и осудили на 25 лет.

А вот служить в полицию как – то быстро потянулись бывшие комсомольцы и колхозные активисты .Уж очень хотелось им пригодиться новой власти, а опыт издевательств над людьми у них уже был. Тем, более, никто из них не верил ни в какую идею и, конечно, не верил, что советская власть вернется.

Конец оккупации

Надо сказать, что за эти почти два года немецкой оккупации у нас не было никакой информации о положении на фронтах, только догадки и слухи. Немецкая пропаганда к нам не доходила. В первые месяцы оккупации в Сталино (теперь Донецк) издавалась газета « Донецкий вестник» Сначала она выходила на украинском языке, потом стала публиковаться на русском. Мы ,конечно, не знали,

что эти перемены в языке были связаны с разгромом подполья украинских националистов. Выходила газета и на немецком языке, но все это, если попадало к нам, то крайне эпизодически.

Зимой 1942 - го , на протяжении нескольких недель, ни на минуту и днем и ночью не стихала глухая канонада где – то на севере, потом она постепенно продвигалась на запад.

(Наша справка. «Новый порядок», введенный фашистами и их прислужниками просуществовал до 11 февраля 1943г. В этот день в Красноармейск с боями вошли танкисты- кантемировцы, бойцы мотострелковой бригады и лыжники- десантники. Кровавые бои за город продолжались 12 дней и ночей. Наши части понесли большие потери.

Силы были неравными—фашисты бросили в бой за город отборные части и мощную технику и 23 февраля вновь завладели Красноармейском. Целью прорыва наших войск была узловая станция, через которую на Сталинград шли эшелоны войск и техники на прорыв кольца, в которое советские войска взяли армию фельдмаршала Паулюса.

После этих боев Красноармейск назвали городом расстрелянных. Еще полгода продолжалась оккупация города.

Окончательно Красноармейск освободили от оккупантов 8 сентября 1943г. Жителям за победу пришлось заплатить дорогую цену :более тысячи горожан были повешены, расстреляны, и живьем закопаны в противотанковом рву. Более восьми тысяч солдат и офицеров ,погибших в боях за освобождение города,навсегда остались лежать в красноармейской земле. Более 4тыс.800 земляков полегли на фронтах Великой Отечественной. Из книги«Красноармейск: вчера, сегодня, завтра»)

В феврале 1943 го внезапно со стороны Харькова прорвались наши войска. В это время мы всей семьей были в городе. В доме нас собралось немало народу, только мужиков восемь человек, родственников и беженцев, которые уходили с немцами от фронта.

В город наши ворвались под утро, немцев застали врасплох, убегали, кто, в чем спал. В этот день началась резкая оттепель, а наши военные были в полушубках и валенках. У нас остановился москвич Тимка, мы поменяли ему валенки на сапоги. Потом ему удалось выйти из окружения, он писал нам, последние письма пришли из Болгарии весной 1945-го.

Город был разделен на две зоны: с восточной стороны наши, с западной немцы, а посередине мы. Двое суток, через наши головы летали мины и снаряды. Когда прорыв захлебнулся, немцы вытеснили наших из города. Пошли облавы. Мы к этому времени уже вылезли из убежища и находились в доме. Нас вывели во двор, поставили к стенке и приготовились стрелять. Среди наших беженцев был профессор из Ленинграда, который на немецком объяснил патрулю, что к чему и нас отпустили. На улице и во дворах валялось много трупов. Отец организовал их уборку, это также сильно повысило наши шансы на жизнь. В сентябре 1943 года нас окончательно освободили. Но немцы еще двое суток бомбили город. Со стороны Удачного, где у них был аэродром и большой запас бомб, они с раннего утра и до поздней ночи группами до 20-ти самолетов вели массовую бомбардировку. С хутора была видна черная тень над городом, день превращался в ночь.

В первые дни освобождения люди осыпали цветами студебеккеры (нам они казались чудом техники) Солдаты тоже плакали и улыбались нам.

Презрение и подозрительность

Более тревожная атмосфера стала чувствоваться позже, когда подошли тыловые служб и с ними карательные органы. Конфисковали лошадей, включая даже молодого жеребенка. Но дело было не только в этом. В воздухе висела

атмосфера пренебрежения, презрения и подозрения. Мы оказались повинны в том, что были покинуты на произвол судьбы нашими же властями. В биографии мы десятилетиями писали, независимо от возраста: был на оккупированной территории с... по... , с немцами не сотрудничал. В общем, вечно меченные. Пока шла война, это как – то не очень подчеркивалось, а после войны, в эпоху новой паранойи, вспыхнуло с новой силой. Именно в 1946 – 47 годах, а не сразу после освобождения был пик « спецнастроений» подозрительности к тем, кто оставался на оккупированной территории. Власть сталкивала лбами эвакуированных и невольно оставшихся в оккупации. Как сейчас стало известно, так проходила операция «Фильтрация», которую нагнетали сытые тыловики-чтобы не послали на фронт, в окопы. Тогда же, в сентябре 1943 –го, были мобилизованы все мужчины призывного возраста. Это никого не удивило, было само собой разумеющимся. Удивило другое: их тут же погнали на фронт, необмундированными и плохо вооруженными. Именно их народ прозвал «чорносвитниками» - свитка своя из дому, а оружие – добудете в бою. Кинули их необученных и невооруженных в бойню. Это была месть тем, кто оставался под немцами, на них смотрели как на предателей, использовали как пушечное мясо и давали шанс «искупить вину», устелив наступательный путь регулярной армии их трупами. Тех же, кто остался в живых, отправляли в рукопашный бой в Карпатах, Венгрии, на Зееловских высотах.

Под Мелитополем при форсировании реки Молочной погибло четверо сыновей дяди Антона: Иван, Лаврентий, Афанасий, Павло и внук Иван. Наш Ваня-Ванечка тоже был призван, но через неделю (а мы все были в ципках- от отсутствия лекарств и простого мыла, не из сусликов) был отпущен домой. Так что ципки спасли брата.

Шура на фронте был ранен, лечился в госпитале, в Ульяновской области, потом в полуголодном тылу преподавал призывникам военную подготовку.

Школа, двуязычие

До войны в нашем Красноармейске, где проживало около 10 тысяч населения, обучение в школах велось на украинском языке. Была одна русскоязычная средняя школа и одна железнодорожная. Когда в 1943 году после освобождения Красноармейска я пошел поступать в школу, мест в украинской не оказалось.

Школу № 6 разделили пополам, на первом этаже разместили украинскую школу, на втором русскую. Не хватало школьного оборудования. От меня потребовали прийти в школу со своей партией. Мы с соседом Виктором Гаврилюком смастерили двухместную парту и получили полное право продолжать учебу. Чернил не было, использовали сок бузины, писали на старых книгах, между строк. Не было книг, учебников, литературы для чтения. Можно только представить, как непросто было нашим учителям. При этом, учили на «хорошо», наши послевоенные институтские выпускники это подтвердили. На первом этаже в украинской школе тогда же училась моя будущая жена Люба.

Тогда же начали активно переводить на русский язык общения детсады и ясли, началось заселение края русскоязычными специалистами и отставниками из армии.

Так размывалась привычная с детства среда обитания, менялась жизнь.

А сегодня уже три поколения привыкли жить среди каменных истуканов вождей и борцов, ходить по улицам имени убийц их родителей.

Сейчас многим людям кажется, что лишившись этого, они лишатся самих себя. Вот что такое промывка мозгов пропагандой...

Но считаю: все равно эту работу по декоммунизации надо когда -то начинать. Иначе все это «наследие» повиснет как чугунная гиря на шее наших внуков.

Ремесло

Нас, подростков, война заставила жить взрослой жизнью, обучила многим полезным навыкам. Я научился ремонтировать обувь, когда у нас на квартире стояли солдаты автоколонны. Они ремонтировали, а я сидел и смотрел, изучал технологию сапожного дела. Потом, также приглядываясь к работе жестянщика начал осваивать и это ремесло. Попробовал шить на маминой машинке, пошло и это дело. Все это очень помогло мне и в институте и на работе.

В 1944 году я поступил на подготовительное отделение Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта.

Жизнь послевоенного студента требовала немалой изобретательности и энергии. После первого курса получил железнодорожный билет (который был мне положен как студенту института железнодорожного транспорта), поехал домой, собрал все, что мог и уехал во Владикавказ. На базаре продал пожитки, купил картошки и кукурузы и не без приключений добрался до станции Красноармейск все по той же железной дороге. Оставил родителям и старикам продукты и уехал в институт. Мама просила взять что-нибудь с собой, я ей сказал что мы обеспечены карточками.

Выглядело это так: на месяц: 400гр. сахара или конфет, 1800гр. мясных продуктов, 1200гр. круп и 400гр хлеба на день.

Мы тогда не замечали трудностей. Как все студенты участвовали в субботниках по восстановлению города на Днепре, его красивейших проспектов, парков и скверов. Ходили в походы, на танцы. Там и познакомился со своей будущей женой.

По возможности мы все помогали родителям, а в остальное время грызли гранит науки.

В августе 1951г. женился на Любе, студентке Днепропетровского университета. А в декабре 1951г. я закончил институт по специальности «инженер путей сообщения-строитель». Начинаясь новая, самостоятельная жизнь.

Целина —Черкассы —Транзит...

По направлению Министерства путей сообщения СССР уже в новом, 1952г., прибыл в Семипалатинск. Работал начальником спецколонны на ст. Чарская.

Затем - трест «Оренбургтрансстрой», ст. Джусалы Кызылординской области.

В апреле 1955г. - в составе СМП передислоцирование на ст. Актюбинск, Кувалдык.

Здесь в пожарном порядке довелось собирать жилые поселки, хозяйственные объекты, предназначенные для вывоза целинного хлеба.

В 1958 г. - переезд на родину, на Донбасс.

В январе 1959г. назначен главным инженером затем начальником управления треста Донецктрансстрой.

При непосредственном участии за годы работы в ДТС были построены и сданы в эксплуатацию новые железнодорожные линии Мерцалово —Дубово (70км), для обеспечения выхода из Донбасса на Харьков; Очеретино- Горловка (40км.), строительство и электрификация 100км участка Красноармейск-Павлоград; путевое развитие перегонов Чаплино—Красноармейск—Ясиноватая. А также объекты сельского хозяйства: склады с подъездными путями, свинарники, коровники, овощехранилища.

С января 1970г. - начальник управления капитального строительства Черкасского облисполкома. За десять лет работы только в Черкассах построено четыре новых микрорайона. Микрорайон Д- 40га, Юго-Западный- 120 га, три очереди строительства. Строились и на намытых площадях в пойме Днепра- более 200га, три очереди строительства.

С 1986 г. - пенсионер республиканского значения. Зам. директора завода «Аврора» по вопросам строительства.

В результате кропотливой творческой работы с проектантами и долевыми в областном центре Черкассы появились первые в те годы современные торговые

центры со всеми видами обслуживания. Мы на практике доказали, что все вопросы можно и нужно решать без вмешательства «сверху».

Только благодаря свободному творчеству, использованию опыта каждого можно решать самые сложные проблемы без толкачей из партийных и других органов.

Оглядываясь на прожитые годы, хочу сказать: мы счастливые люди.

Мы выросли и живем на родной земле. Здесь наша пуповина, наши корни.

Здесь могилы наших предков и плоды нашего труда на благо людей и новой, независимой Украины.

Чувство причастности к этой земле не купишь ни за какие червонцы.

Наши родители и мы, их наследники, в советский период истории большую часть жизни не жили. Выполняли планы освоения целины, пяти- и семилеток, строили Целиноград, тянули БАМ. Потом- Продовольственную программу и другие.

А в свободное время стояли в очередях за мукой, сахаром, маслом, мясом и жильем.

Так получилось. Как в песне : «Дела? Отлично! Только с личным... Привет!»

Конечно, хотелось, чтобы все что было, сложилось иначе. Намного человечнее, без стольких огорчений, бед и потерь.

Но так, наверное, бывает только в сказке.

Да еще в присказках— если бы да кабы...

Говорил уже, и повторю: не надо ждать, что Свободу, Державу нам кто-то придет и построит. Этот уникальный шанс выпал на новое поколение граждан Украины.

Не упустите его!

СЛАВА УКРАЇНІ!

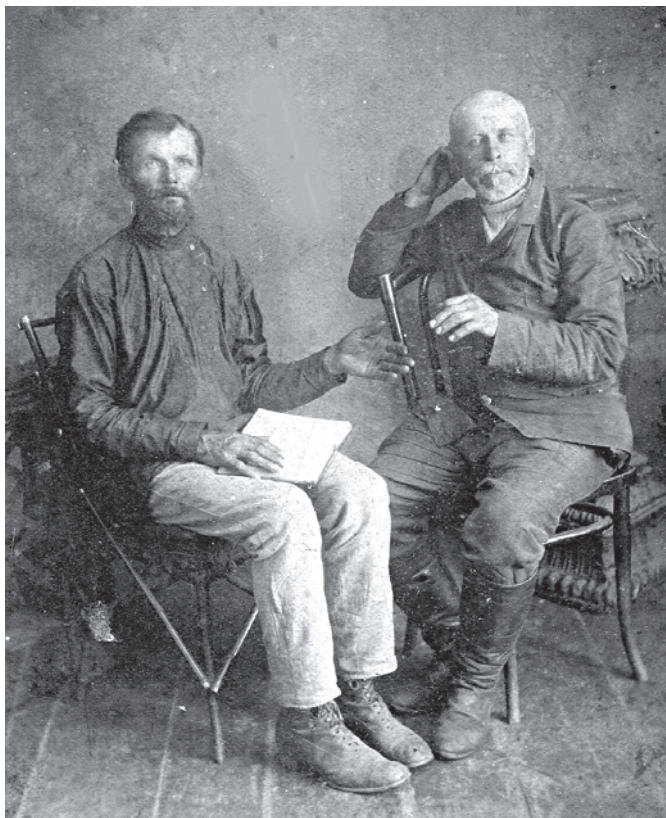
*г. Черкассы. Май, 2005.
Виктор СЕРГИЕНКО.*

Студенты ДИИТ, г. Днепропетровск, 1946 г.

Фото сделано на ст. Гришино — 1928 г. Ваня, папа, мама, Витя, дедушка, Шура, бабушка, Валя.

Дедушка Яков Маркович СЕРГИЕНКО и его друг по армии Остап Михайлович ЖИЖКО, с которым они дружили на протяжении всей жизни.

Яков Маркович СЕРГИЕНКО с внуками Шурой, Валец, Ваней и Витец. Крайний слева Саша СТЕПАНОВ. г. Постышево, 1936 г.

Брат и сестра Шура и Валя, г. Красноармейское, 1947 г.

*Иван СЕРГИЕНКО
и его молодая
жена Аня
(Молокова),
г. Красноармейское,
1949 г.*

Братья Виктор и Ваня, г. Красноармейское, 1947 г.

«Голубятники»: средний - Ваня, справа - Виктор, г. Постышево, 1938 г.

*Братья
УВАРОВЫ:
Лаврентий,
Павел,
Афанасий,
г. Красно-
армейское,
1940 г.
Погибли
осенью
1943 г. под
Мелитополем.*

*Четвертый брат — УВАРОВ Харитон
Антонович. Расстрелян в 1937 году
как «враг народа».*

**СЕРГИЕНКО Николай Яковлевич с детьми Виктором, Ваней,
Валей и женой Анастасией Степановной,
г. Постышево, 1937 г.**

8 класс СШ № 1, г. Красноармейское, 1943 г.